

Изв. вузов «ПНД», т.12, № 5, 2004

УДК (8+14): 168+536.75

ХАРИЗМА: РЕПЛИКАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ

Б.Н. Пойзнер

Почему феномен харизмы заслуживает внимания социосинергетики? Как изменилось содержание понятия «харизма» от античности до наших дней? В чем особенность восприятия харизмы в русской культуре? Как выглядит окружение харизматика через призму нелинейной динамики? Автор стремится ответить на подобные вопросы, исходя из положения: распространение мнения о некой личности как харизматической - типичный случай репликации культурного образца. Автор опирается на работы по синергетике, культурологии, социологии, лингвистике, истории науки, философской антропологии, примеры стиля публицистов.

В предыдущих частях статьи харизма описана как психологическое явление, восходящее к первобытному обществу. Раскрыта этимология, константы и переменные смысла понятия «харизма». Затронуты контексты, в которых оно используется в христианстве, иудаизме, восточной философии. Отмечены некоторые семантические особенности его в русском, французском, английском языках. Сопоставлены трактовки харизмы в шаманизме, христианстве, современной культурной практике (отличающейся вульгаризацией этого слова). Сопоставлены понятия «харизматик» и «гений». Репликация структур человеческой активности интерпретирована как динамический аспект культуры и механизм ее самообновления.

Часть 3

В третьей части описаны этапы нелинейного взаимодействия массы, харизматика и его промоутеров. Привлечена схема «порядок из хаоса», дополненная понятием репликации. Предложенный синергетический подход используется для интерпретации восприятия советскими гуманитариями академика Н.Я. Марра и его «нового учения о языке». Отношение к харизматику обсуждается как одно из проявлений духа народа.

5. Динамика отношения к харизме и ее собственнику

Ныне массы воздействуют
не отступничеством, а заражением

J. Baudrillard

А вот пророк - провокатор
Л. Каприлова [Анаграмма]

Еще в 1930-е гг. К.Г. Юнг указывал: в современном обществе отдельная личность ничтожна и бессильна, она испытывает неуверенность в правоте собственных суждений. На языке синергетики подобное состояние можно назвать

далеким от равновесия. Ставясь преодолеть свое бессилие, человек отождествляет (идентифицирует) себя с какой-нибудь организацией: государством, церковью, партией *etc.* Вступление в нее приносит облегчение вследствие коллективизации ответственности за социальные действия: сняв ее с себя, индивид перекладывает ее на корпорацию. В новом состоянии личность обречена на когерентность: ей предписано мыслить и вести себя в социальном плане так, как этого требует ее организация. Массовый человек все больше теряет свою индивидуальность, способность критически мыслить и все менее склонен самостоятельно принимать моральные решения. «Для компенсации своей хаотичной бесформенности масса творит себе «фюреров», а они неизбежно впадают в инфляцию собственного «Я»», - считал К.Г. Юнг [7, с. 119].

Напротив, любой индивид, хоть чуть-чуть видимый на мировой сцене, способен показаться некритичной публике выразителем массового движения и носителем общественного мнения, то есть собственником харизмы. И лишь на этом основании сообщество его приемлет либо ведет с ним борьбу. «Массовое внушение тут обычно преобладает, а потому остается неясным: является ли его послание собственным его деянием, за которое он несет личную ответственность, либо он просто функционирует как некий мегафон, передающий коллективные мнения» [7, с. 120-121].

Вдумываясь в интерпретации социальных ролей харизматика и его последователей, выполненные М. Вебером, К.Г. Юнгом, Э. Шилзом, П. Бурдье, можно предположить, что на протяжении истории последовательность стадий эволюции харизматика остается почти неизменной. Рискнем наметить этапы деятельности харизматика по структурированию массы и его взаимоотношений с ней, а также с социокультурным «фоном». На рис. построена упрощенная схема,

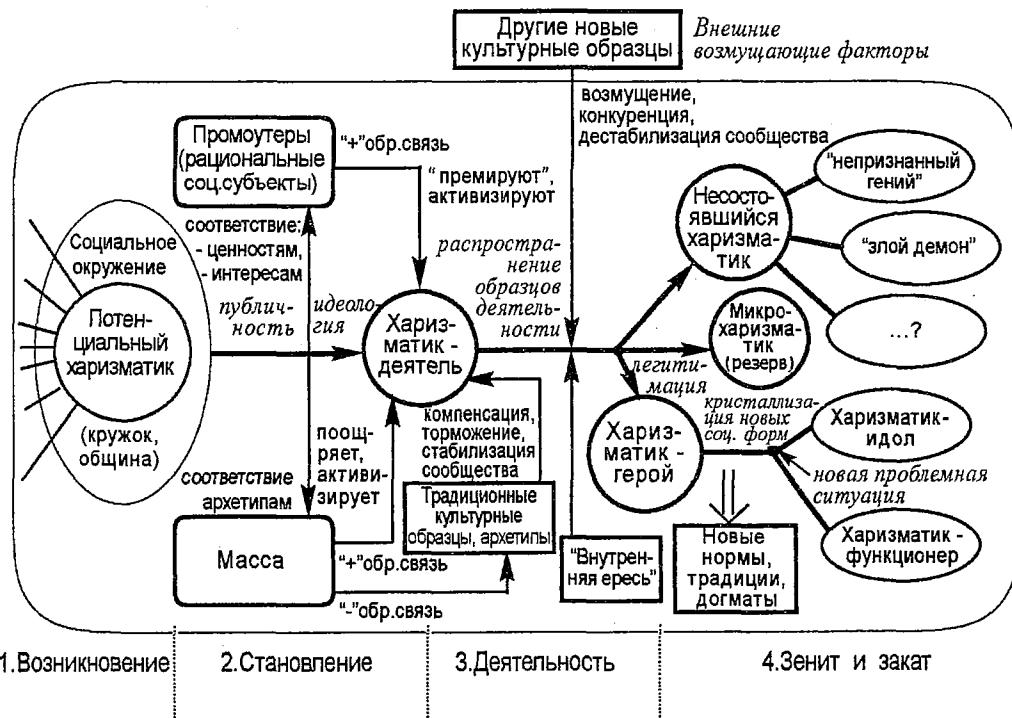

Рис. Этапы взаимодействия массы, харизматического лидера и его промоутеров

* Ссылки с [1-232] см. в библиографических списках статьи Б.Н. Пойзнер. Харизма: репликация восприятия. Часть 1 // Изв. вузов. ПНД. 2004. Т. 12, № 1-2. С. 80 и Часть 2 // Изв. вузов. ПНД. 2004. Т. 12, № 3. С. 84

напоминающую бифуркационную диаграмму возможных ситуаций. (Схема разработана с участием С.В. Земцовой и В.В. Негруля.) Достаточно условно можно выделить четыре стадии жизненного цикла харизматика: возникновение, становление, активная деятельность, зенит и закат.

A. Возникновение. Мнение о некоторой персоне как о потенциальному харизматику обычно зарождается в небольшом сообществе: кружке, общине. Потребность в харизматике обостряется с приближением к точке бифуркации в развитии социокультурной системы [72, с. 335-359; 74, с. 65-73; 75, с. 127-135; 77, с. 82-84; 176, с. 216-265; 179, с. 12-25], то есть с углублением кризиса в (со) обществе. Для исторических периодов, когда рушатся основания социального порядка и система находится на разилке дорог в свое будущее, Ю.М. Лотман нашел запоминающийся образ: «Клио на распутье» [233]. Функцией харизматика здесь является выдвижение и проведение в жизнь новых (или «хорошо забытых» старых) ценностей и ориентиров, которым должны следовать массы и которые могут определить облик иного («исправленного» [200, с. 104-113]) социального порядка.

Чем в этой ситуации выделяется наша культура? Ответим обобщением, принадлежащим Н.А. Хренову: «<...> мы имеем дело со специфическим типом культуры, в которой состояние переходности представляет не просто один из сменяющих друг друга исторических переходов, а период исключительный, определяющий логику русской истории вообще <...> Переходность оказывается определяющим состоянием, по отношению к которому остальные состояния воспринимаются второстепенными, в том числе, и стационарное состояние. Иначе говоря, в России история оказывается историей перманентного перехода» [179, с. 25]. В стране «вечной» бифуркации харизматик, очевидно, всегда - *persona grata*. Но, может быть, русской натуре переходность эта чужда? Г.В. Флоровский (в «Путях русского богословия») опровергает такое предположение. «Слишком привыкли русские люди, - свидетельствует историк, - праздно томиться на роковых перекрестках, у перепутных крестов... И есть в русской душе даже какая-то особенная страсть и притяжение к таким перепутьям и перекресткам. Нет решимости сделать выбор. Нет воли принять ответственность» (цит. по [179, с. 25]).

Надо признать, что анализ взаимоотношений харизматика и его сторонников в нашем отечестве предполагает обращение к довольно критическим суждениям. Поэтому от читателя можно ожидать упрека в «такой провинциальной, безнадежно провинциальной эмоции, как русская русофобия». Здесь процитированы слова С.С. Аверинцева [234, с. 8]. Однако автор не отбирал специально ни «русофобские», ни «русофильские» оценки, а работал с тем материалом, который оказался доступен. Один из мотивов подготовки данной статьи можно выразить афористическим тезисом С.С. Аверинцева: «Не последний смысл истории - в том, что она освобождает ум от собственной фатальности: история как знание - от истории как претерпевания» [234, с. 14].

B. Становление. Очередной этап жизни харизматика начинается, когда его деятельность становится публичной (см. рисунок). Объективно харизматик (особенно в политике) несет в себе как иррациональное (и потому в некотором смысле хаотическое [71]) начало, базирующееся на эмоциях, так и логическое, рациональное, упорядочивающее начало. Такой двойственности на рисунке соответствует пара социальных субъектов. Во-первых, это масса, то есть пассивная и инертная совокупность людей, в восприятии и мышлении которых (незаметно для них) господствуют юнговские архетипы. Во-вторых, это «промоутеры» (от англ. *promoter* - букв. «помогающий», «способствующий») харизматика, действующие в его поддержку рационально, исходя из своих ценностей и интересов. Таковы, скажем, представители образованных сословий [30].

Потенциальный харизматик, претендующий на статус харизматика - общественного деятеля со своей идеологией, должен соответствовать как архетипальным ожиданиям массы, так и запросам своих промоутеров с немассовым сознанием. Чем выше степень соответствия, тем эффективнее оба социальных субъекта активизируют, поощряют, психологически «премируют» харизматического вождя. В свою очередь, тем быстрее он, улавливая общественные настроения, набирает силу, тем успешней становится его деятельность. То есть имеет место положительная обратная связь с обоими субъектами. Связь проявляется в таких формах, как массовое обожание, идеологическая, информационная и даже финансовая поддержка промоутерами.

Как уже отмечалось, приписывание харизмы обусловлено не только объективными качествами человека, сколько мнением о них, которое тесно связано с *представлениями*, бытующими в данном сообществе. А их подоплеку составляют универсальные структуры: архетипы (по К.Г. Юнгу), парные оппозиции (по К. Леви-Стросу), ядерные культурные образцы (по Н.С. Розову). Все эти структуры суть решикаторы, и именно они лежат в основе общераспространенных представлений о мире, где мы живем. Поэтому социосинергетическую схему (см. рисунок) следует рассмотреть в плане языкового сознания массы. Заметим, что успешность харизматика (измеряемая числом его приверженцев) зависит от психологических особенностей репликации некоторых базовых структур восприятия. Речь идет прежде всего о типичных для данного сообщества структурах восприятия словесных форм.

Известно, что слово есть знак, то есть означающее, которое соответствует некоторому означаемому. Причем, как подчеркивает Р. Барт (1965), «означаемое есть «нечто», подразумеваемое субъектом, употребляющим данный знак <...> Означаемое является не «вещью», а нашим представлением этой вещи». Так, в слове бык означаемым является не животное бык, но психический образ этого животного [235, с. 132]. Кроме того, согласно Н. Хомскому, человек как вид наследует правила языка («лингвистические универсалии»). Будучи немногочисленными, они, тем не менее, позволяют генерировать неограниченное количество предложений. Н. Хомский показал возможность выделять «глубинные структуры», смысл которых сохраняется в синтаксически различных предложениях (то есть в речевых единицах, созданных различными средствами) [236, с. 948].

Согласно положениям социологии и социальной психологии (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, С. Московичи), сознание человека двойственno. Будучи носителем коллективного (социального) сознания, он оперирует верованиями и представлениями, которыми владеет совместно с другими членами сообщества по традиции либо по соглашению. А будучи носителем индивидуального сознания, он оперирует идеями и образами, полученными из опыта или с помощью рассудка. Очевидно, что коллективные представления, общие для членов сообщества, подвергаются репликации. В частности, они передаются в социальной группе «из поколения в поколение, они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т.д. в отношении своих объектов, они не зависят в своем бытии от отдельной личности». Так, «язык навязывает себя каждой из этих личностей, он предшествует ей и переживает ее». При этом, естественно, «коллективные представления имеют свои собственные законы» [237, с. 9].

Отсюда ясно, что достижение цели харизматическим лидером - наращивать ресурс репликации признания своей персоны (конкурируя в обществе с другими харизматиками) - требует от него не просто «выбирать слова». Чтобы добиться эффективной коммуникации с возможно более широкой аудиторией, ему надлежит

пользоваться лексикой, выражающей специфику картины мира данной субкультуры (скажем, любителей творчества «бардов», прихожанок православных храмов, пенсионеров, в прошлом работавших на заводах, и т.п.). Для описания соответствующего механизма целесообразно, на наш взгляд, обратиться к терминам лингвокультурологии.

Она исследует живые процессы коммуникации и связь используемых там языковых единиц (например, фразеологизмов, пословиц, цитат, имен исторических и фольклорных персонажей) с современным менталитетом народа как национально-лингво-культурного единства. Совокупность таких единиц принято рассматривать как культурный минимум. Он отражает «представления, модели восприятия, способы действия и их символы, за которыми в данном обществе закреплен статус “правильных” и “необходимых для запоминания”». Одновременно такой минимум, «предлагая данные феномены в качестве образцовых, эталонных, задает ориентиры для “правильного” поведения в этом социуме». Указанные языковые единицы восходят к фактам материальной, социальной или духовной культуры народа. А некоторые образы, стоящие за языковыми единицами, интерпретируются его «“коллективным бессознательным” в пространстве категорий или установок культуры» [238, с. 9-10]. В этом кроется один из механизмов воздействия харизматического вождя на массы.

В сознании человека национальная культура существует в форме так называемого национального культурного пространства. Иначе говоря, на практике мы имеем дело «с массовым сознанием представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества». «Ядро» культурного пространства составляет когнитивная база - «структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества». Владение когнитивной базой предопределяет адекватность общения между носителями данного языка [238, с. 10-11], в частности, харизматика с его приверженцами. Среди репликаторов различных типов, содержащихся в когнитивной базе, имеются так называемые прецедентные (от лат. *praecedens* - «предшествующий») феномены, хорошо известные всем, кто составляет национально-лингво-культурное единство: прецедентные тексты, ситуации, имена и высказывания. По определению, прецедентный текст - это законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Он знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества. Таковы произведения художественной литературы («школьная классика»), тексты песен, рекламы, анекдотов, политическая публицистика и т.п. Прецедентная ситуация есть некая «эталонная», «модельная» ситуация, отличительные признаки которой входят в когнитивную базу (скажем, «Изгнание из Рая», «Превращение из Савла в Павла», «Лобное место»). Прецедентное имя - индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, «Печорин», «Баба Яга»), или с прецедентной ситуацией («Иван Сусанин», «Смутное время»). К прецедентным высказываниям относятся пословицы, цитаты из текстов различного характера и другие коммуникативные единицы, подобно прецедентным текстам, постоянно воспроизводящиеся в речи носителей языка («Кто виноват?», «Хотели, как лучше, а вышло, как всегда» и т.п.). Обратим внимание, что прецедентные высказывания по своей структуре и функции ориентированы не на передачу сообщения, а на эмоции адресата.

В репликационном плане важно то, что прецедентный феномен, присутствуя в когнитивной базе, выступает как общий, обязательный для всех представителей национально-лингво-культурного сообщества, *инвариант восприятия*. То есть за

прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, и каждому носителю данного этнокультурного менталитета вменяется в обязанность понимать прецедентный феномен однозначно. (Вспомним плакат 1941 года «Родина-мать зовет!» У людей, (пере)воспитанных в советском духе, он не вызывал вопроса: куда? Как минимум - на войну, как максимум - на гибель.) Это именно инвариант восприятия, поскольку он делает все - многократно возобновляемые - обращения к прецедентному феномену (в речи, в тексте) «прозрачными», понятными всем без расшифровки и комментария. И в плане понимания механизмов восприятия харизмы принципиально то, что «функция, которую выполняют прецедентные феномены в целом, близка функции мифа в традиционном обществе. Представление, стоящее за прецедентным именем, по сути, и является “свернутым мифом”». Прецедентные имена, как и другие феномены, «определяют шкалу ценностных ориентаций национально-лингво-культурного сообщества, формируют набор “героев” и “злодеев”», то есть «отражают и одновременно задают определенную парадигму поведения» [238, с. 16-18, 26, 38]. Очевидно, если имя харизматика становится прецедентным феноменом, то это - в режиме положительной обратной связи - увеличивает количество его приверженцев. Как известно, человеческое имя и акт именования в целом - сложные по происхождению и функциям репликаторы. Разностороннее обсуждение этих вопросов предпринято в трудах [90; 125-128; 198; 212]. Так, продуманный выбор имен для персонажей художественного произведения обеспечивает их семиотическую функцию, но значение таких «сигналов» нередко ускользает от читательского сознания. Несмотря на кажущуюся произвольность, именование обычно обусловлено социокультурными факторами и ценностными предпочтениями автора (например, [239; 240]). Добавим, что моделью для приписывания харизмы тому или иному деятелю невольно служит концепт национального героя. (Во время выборных кампаний PR-технологи во всю эксплуатируют его.) Причем в нашей культуре он сложился сравнительно поздно - к первой трети XIX в. [241], а официально одобренные национальные герои еще каких-нибудь 15 лет назад были персонажами анекдотов [21; 175].

Наряду с прецедентными феноменами (восходящими к определенному прототипу) в когнитивной базе имеются коммуникативные единицы, называемые стереотипами (для них нельзя указать конкретного прототипа). Таковы стереотипные образы «восход», «путь», стереотипные ситуации «пауки в банке», «экзамен» и пр. В качестве образа-представления стереотип есть результат отражения в сознании личности «типового» фрагмента реального мира. В качестве сценария ситуации стереотип побуждает человека к стандартным (в данном сообществе) актам речевого поведения в ходе общения [238, с. 18-19].

Нетрудно видеть, что благодаря усвоению людьми содержания когнитивной базы в ходе социализации (прежде всего - в средней школе) обеспечивается когерентное приписывание ими некоему лицу харизмы, равно как и когерентность восприятия ими посланий от него. Разумеется, культурное пространство (как форма существования культуры в сознании) обладателя дара и культурное пространство его почитателей могут совпадать лишь частично, более или менее широко пересекаясь. В этом отношении показательны диалоги московского филолога В.Д Дувакина (1909-1982) с Анной Ахматовой (1889-1966) [242], актрисой и театральной деятельницей А.В. Азарх-Грановской (1892-1980) [243], философом культуры М.М. Бахтиным (1895-1975) [244]. Будучи профессионалом, В.Д Дувакин адекватно оценивает масштаб личности своих собеседников, их место в истории отечественной культуры *etc.* Но порой и он, и другой участник разговора, называя одни и те же известные события или фигуры, то есть прецедентные феномены, оперируют существенно не совпадающими

коллективными представлениями. А не совпадают они потому, что сформированы «коллективами», принципиально различающимися по своему историческому опыту и ценностям: советским образованным сообществом и досоветским, продолжавшимся в режиме «внутренней эмиграции». Чтобы выявлять и анализировать разрыв русского культурного пространства, проявляющийся в подобных диалогах (но, естественно, не только в них), и его последствия, применима методология М.М. Бахтина. Ее продуктивность для решения этой задачи доказывает на материале книги [244] В.Л. Махлин, исследователь бахтинского творчества. В частности, он предлагает емкую формулировку: «люди разобщенных русской революцией смежных поколений» (например, М.М. Бахтин и В.Д. Дувакин) [245, с. 5]. Продолжая его мысль, логично допустить, что достаточно мощная социокультурная бифуркация неизбежно влечет разобщенность, размежевание поколений: они оказываются, если прибегнуть к профессиональному термину, на расходящихся ветвях бифуркационной диаграммы. В наши дни разрывы национального культурного (а с ним - и ценностного) пространства вызываются не только социально-политическими событиями. По своим социокультурным последствиям все более влиятельными становятся научно-технические достижения. Растущей частоте их появления соответствует бифуркационная диаграмма типа «поваленное дерево» со сгущением ветвей. Видимо, в такой ситуации «средний» человек особенно уязвим для атак поклонников чьей-то харизмы.

В. Деятельность. С ростом активности или радикализма харизматика, распространяющего новые образцы деятельности, в цепи обратной связи между ним и массой может проявляться ограничение консервативного типа. Масса, руководствуясь определенными традициями и архетипами, отвергает некоторые новации, предпочитая в обстановке углубляющегося кризиса обратиться (иногда неявно) к опыту предков. Ограничение это создает отрицательную обратную связь (см. рисунок). Ее неблагоприятные для лидера проявления, видимо, можно описывать в терминах: торможение, компенсация, дисциплина, стабилизация сообщества, запаздывания и пр. Вклад в усиление либо ослабление отрицательной обратной связи способны внести и архетипы, скажем, разделение свои/чужие. Между тем, «харизма живет новизной», а отсутствие новых идей убийственно для вождя [9, с. 89].

Зависимость харизматика от архетипов и традиций - в данном сюжете антифеминистской (от лат. *femina* - «женщина») - тонко смоделировал Д.Н. Садовников (1847-1883) в стихотворении «Из-за острова на стрежень...» [246, с. 33-35]. Народ переделал его в песню. Не потому ли, что поэт выразил в нем архетипальные мотивы? Вдумаемся, как - согласно сюжету (легенде) - Степан Разин, почувствовав ущерб харизме в глазах сотоварищей («Насмешки, шепот слышит пьяный атаман...»), восстановил ее. Во-первых, ритуальным обращением: «Эх, кормилица родная, / Волга, матушка-река!» - он актуализировал в соотечественниках эмоцию хтонического (от др.-греч. χθονιος - «земной», «туземный», «подземный») мистицизма. Во-вторых, своему отказу от «полоненной княжны» (чего и добивалось его мужское окружение) атаман придал фундаментальный смысл искупительной жертвы. А с нею связан архетип, существенный и для языческого, и для христианского мировосприятия. Их сочетание, надо полагать, было типично для приверженцев Разина [36]. В-третьих, он безошибочно выбрал содержание символа, с которым ассоциировался его поступок. Ведь княжну он мог бы лишить жизни и на суще. Но почти во всех мифологиях вода - символ первородного Хаоса. Разинский бунт - торжество хаоса социального. Лишь благодаря хаосу случилась (и его семиотически выражила) «свадьба» княжны и «донского мужика», в условиях социального порядка никак

невозможная. В этом смысле Степан принес княжну в жертву не только водяной стихии, но и «общему делу» своей корпорации. Поэтому его «ребята» готовы включиться в ритуал, признав правоту лидера, то есть грянуть «хоровую / За помин ее души».

Как утверждает американский социолог Э. Шилз в статье *«Charisma, order and status»* (1965), «склонность приписывать кому-либо харизму имеет глубокую связь с потребностью в социальном порядке. Приписывание харизматических качеств происходит при непосредственном проявлении силы как та^{ко}вой - силы, создающей порядок, разоблачающей порядок, раскрывающей суть порядка. Это приписывание есть реакция на превосходящую упорядочивающую силу другого» (цит. по [247, с. 426]). Но желанный порядок достигается через слом существующего. В 1917 г. вождь революции выбрал самое экономичное решение - привести в действие разрушительные инстинкты массы. А предложенный им порядок имел в основе культурный архетип разбоя. Между тем, многие русские мыслители понимали рискованность развязывания дионийского, хаотического начала в обществе. Например, поэт-мистагог Вячеслав Иванов изучал кульп Диониса [248] и стремился возродить некоторые формы мистерии для удовлетворения запросов современников [249], то есть актуализировать юнговские архетипы, архаичные формы искусства *etc.*, проявляющиеся и в следовании харизматику. За полвека до работ Э. Шилза Иванов в цикле «Спорады» (от др.-греч. оторадος - «отдельный», «одиночный») с горечью писал: «Отрицательный полюс человеческой объективирующей способности, кажется, лежит в сердце нашего народа: этот отрицательный полюс есть нигилизм. Нигилизм - пафос обесценения и обесформления, - характерный признак отрицательной, нетворческой, косной, дурной стихии варварства (составляющей противоположность его положительной, самопроизвольно творческой стихии) <...> Истинный русский нигилизм охотно покорствует, чтобы послушанием только пассивным отрицать внутреннюю ценность повеления. Дионис в России опасен: ему легко явиться у нас гибелью силою, неистовством только разрушительным» [250, с. 125-126]. Так и вышло.

Социокультурный фон, на котором складываются взаимоотношения харизматика с социальными субъектами, включает в себя действие внешних возмущающих факторов (в первую очередь - экономических и политических), способных препятствовать рецелиации положительного отношения к харизматику. Естественно, у него тем больше конкурентов, чем многочисленнее сообщество. Ситуацию может усугублять интервенция других (спонтанно возникающих в общем культурном пространстве) культурных образцов. Возмущая умы приверженцев, они - на рынке идей - создают конкуренцию тем, какие распространяет лидер и его единомышленники, дополнительно дестабилизируя сообщество. Не исключены и флюктуации внутрисистемного происхождения. По отношению к программе харизматика такие рецелиаторы обычно выступают как «внутренняя ересь», как источник раскола в стане его приверженцев. А уверенный в себе харизматик иногда не прочь организовать хорошо темперированный хаос в обществе - вспомним ленинский лозунг: «чем хуже, тем лучше». Вспомним, что 1917 год в России это последовательные стадии солдатского бунта, когда хуже - некуда. Трезвое свидетельство о той бифуркации можно найти, например, в воспоминаниях М.М. Бахтина.

«Что старый режим разлагается, это было всем ясно. Вообще, эта вот история с Распутиным, она... как сказать... роковая и пророческая история <...> Я не приветствовал Февральскую революцию. Более того, я, вернее, наш круг считали, что все это кончится очень плохо <...> Мы знали как раз близко людей, <...> которые выдвинулись Февральной революцией. Мы считали, что все эти

интеллигенты совершенно неспособны управлять государством, неспособны защитить революцию Февральскую. (Если ее нужно защищать.) И поэтому неизбежно возьмут верх самые крайние, самые левые элементы, большевики <...> Я тогда считал, что придет самая крайняя партия, что в России или монархия, или совершенно крайняя охлократия <...> Мы были настроены очень пессимистически: мы считали, что дело кончено. Конечно, монархию нельзя восстановить, да и некому, да и им не на что опереться совершенно, неизбежно победят вот эти самые массы солдат, солдаты и крестьяне в солдатских шинелях, которым ничего не дорого, пролетариат, который не исторический класс, у него нет никаких ценностей - собственно, ничего у него нет. Всю жизнь он боролся только за очень узкие материальные блага. И что именно они захватят власть. И сбросить их некому будет, потому что вся эта вот интеллигенция - она на это неспособна» [244, с. 132-134, 136].

Возмущения наиболее опасны непосредственно перед бифуркацией (черная точка на рисунке), когда культурный образец позитивного отношения к харизматику еще не имеет достаточного ресурса репликации, еще не обогнал конкурирующие культурные образцы по темпу самовоспроизведения. Согласно схеме «порядок из хаоса» [168, с. 216-265], исход бифуркации непредсказуем. Если процесс самоорганизации в системе инициируется преимущественно репликатором признания харизматика, то он становится победителем (воспроизводится архэкультурного героя).

Например, в Теософском обществе (основано в 1875 г., теософия - форма вневероисповедной мистики, ориентирующая человека на достижение оккультного «знания») и связанном с ним движении к началу ХХ в. возник кризис. В итоге выделилось новое учение - антропософия (опирающаяся, в частности, на христианскую мистическую традицию, трактуемую неортодоксально). Во главе ее встал Р. Штейнер, австрийский мыслитель, мистик-духовидец, исследователь творчества Гете. Личность и педагогическая деятельность Р. Штейнера создали ему широкий круг почитателей, в том числе - в предреволюционной России (так, влияние антропософии испытали Андрей Белый, М. Волошин, В. Кандинский) [2, с. 31-32, 390-391, 451]. Вот какую характеристику, дал ему религиозный философ Н.А. Бердяев: «Штейнер <...> произвел на меня сложное впечатление и довольно мучительное. Но он не произвел на меня впечатления шарлатана. Это человек, который убеждал и гипнотизировал не только других, но и самого себя. У него были разные лица, то лицо добродушного пастора, - он и одет был, как пастор, - то лицо мага, владеющего душами. В нем было что-то аскетическое и страдальческое. Вероятно, его главным соблазном была власть над душами. Редко, кто производил на меня впечатление столь безблагодатного человека, как Штейнер. Ни одного луча, падающего сверху. Все хотел он добыть снизу, страстным усилием прорваться к духовному миру» (цит. по [251, с. 115]).

Г. Зенит и закат. После бифуркации в сообществе устанавливается новый порядок, но вовсе не обязательно тот, какой обещал вождь (см., скажем, [31; 32; 38-40; 64; 65]). Теперь вторжение «чужих» культурных образцов не столь опасно, а порой даже на руку лидеру: образ врага усиливает харизму и повышает акции ее собственника.

Описывая период после бифуркации, привлечем теорию М. Вебера: харизматический тип господства отличается отсутствием установленных (рационально или по традиции) правил, то есть решения выносятся иррационально; на основании откровения или творчества, деяния и личного примера. Отношения между харизматиком и его последователями основаны на чувстве эмоциональной общности. Но постепенно община или группа сторонников формируется как объединение на базе твердых правил и обязанностей. Община

складывается теперь как продукт повседневности, рутинных форм. Универсальный процесс, с помощью которого учение харизматика проникает в повседневность в рамках постоянного учреждения, - это преобразование личной приверженности пророку в следование его учению внутри общины. В итоге для динамики отношения к харизматической личности характерна рутинизация («оповседневнивание», или «обудничивание», по М. Веберу) [6, с. 129].

После бифуркации (см. рисунок) воцаряется новый порядок: идеологемы, которые провозглашает харизматик-герой, легитимируются и превращаются в социальные нормы сообщества. Они выражаются в конкретных образцах мышления и поведения (иллюстрации из нашей истории даны в [16-18; 21; 27; 40; 41; 45; 60; 63; 186; 252; 253]). Деятельность харизматика утрачивает новизну, поскольку идет кристаллизация новых форм социального порядка. Некогда маргинальные культурные образцы становятся ядерными и повсеместными, (вс)принимаясь как само собой разумеющиеся. Поэтому харизма удачливого лидера может убывать синхронно этим процессам (см. сюжеты в [17; 29; 32]). Ее судьба в глазах сторонников вождя зависит от того, как он решит новую проблемную ситуацию (вторая точка бифуркации на рисунке). В случае очередной победы харизматик может сделаться идолом, то есть предметом культа (посмертно или при жизни [28]). Либо - верховным функционером, как Б.Н. Ельцин (об этой поре пишут в [46; 48-50; 52; 53; 146]).

Но бифуркация (первая точка на рисунке) может оказаться и не столь успешной для харизматика-деятеля. Воздействие внешних или внутренних флюктуаций способно повлечь процессы, из-за которых провозглашаемые им ценности воспримет только незначительная часть публики. Либо он останется в узком кругу верных последователей (*à la* Троцкий в изгнании) и т.п. В этом качестве микроХаризматик - наряду с десятками подобных - пополняет резерв будущих претендентов на гегемонию в сообществе. То есть он замыкает цикл: с чего начинал, тем и кончил.

Читателю, размышляющему над моральными сторонами деятельности носителя благодати, здесь, возможно, вспомнится строчка Федора Сологуба: «расточитель дарованных благ». А, возможно, - теория *потлача* (от фр. *potlash* < сев. индейск. - «дар соперничества»; праздник у индейцев американского Северо-запада, на котором в состязании честолюбий собственное имущество полностью уничтожается [254, с. 362]), разработанная Марселем Моссом (1925) и Жоржем Батаем (1933, 1949). Последний считал, что *потлач* - столь же важный феномен культуры, как и принцип экономии ради накопления, который устанавливает запреты на потребление, но обязывает их нарушать в контекстах, связанных с отправлением религиозного культа и с искусством (расходы на театральные и иные представления, на произведения художников, меценатство *etc.*). Более того, «мы плохо поймем смысл войны и славы, - заявлял Ж. Батай, - если не соотнесем его с приобретением *ранга* путем необдуманной траты жизненных ресурсов, чьей наиболее отчетливой формой представляется *потлач*» [255, с. 63]. Причем то, что лежит в основе *ранга*, - «сакрально, а общая упорядоченность *рангов* называется *иерархией*» [255, с. 65-66].

Еще менее удачный вариант для харизматика-деятеля: испытание в точке бифуркации оказалось роковым, и несостоявшийся на все 100% вождь сходит с главной общественной сцены. Позднее он может воспроизводить подходящий культурный архетип, изображая, допустим, непризнанного гения. Более удачливые претенденты либо доминирующая группа могут (из тактических соображений) приписывать ему некую мифическую роль, например злого демона данного массового движения. Так, на показательном процессе 1922 г., устроенным

большевиками над лидерами партии эсеров, им в частности инкриминировали преступления, действительно совершенные эсерами, но ... против царского режима [27].

Опасный недуг харизматика (например, частичный паралич и утрата речи у Ленина 10 марта 1923 г.) способен привести к новой бифуркации. Предчувствие ее - в ситуации раздела власти между большевистскими бонзами - и понимание роли случая выразил Валерий Брюсов. Его позиция противоположна поведению М.М. Бахтина. Брюсов, в знаменитом стихотворении «Грядущие гуны» (1905) предвидевший революцию как победу варварской стихии, пошел к ним на службу (летом 1918 г., в Наркомпрос), вскоре вступил в РКП(б) и был осведомлен о кремлевских делах. В стихотворении «Диадохи» (12 марта 1923 г.), повествующем о полководцах Александра Македонского, наследниках его империи, поэт, возможно, вспоминая также дни октябрьского переворота, писал: «<...> Народ? он - ставка. На-кон брошен, / Да ждет, чья кость решит игру! / Как сметь судить? кто в споре спрошен? / Рок тысяч - у царя в шатру!..» (цит. по [256, с. 44]). По ассоциации вспоминается стихотворение Пушкина «Была пора...» (1836). Ключевым для него тоже служит стохастический (от др.-греч. *отохасмос* - «догадка», «предположение») аспект, но у Пушкина историческая бифуркация, кажется, получает ценное оправдание: «Игралища таинственной игры, / Металися смущенные народы; / И высился и падали цари; / И кровь людей то славы, то свободы, / То гордости багрила алтари». Мысление Пушкина сегодня квалифицируют как синергетическое до синергетики (Г.Г. Малинецкий, например). Действительно, он настаивал на том, что «ум человеческий <...> видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая - мощного, мгновенного орудия Провидения» [257, с. 147].

6. Советская технология производства харизмы: *casus Mappa*

Для победы дела необходимы соответствующие условия, а вожди найдутся.

И. Сталин

Иллюзия: единственная реальность, на которую можно рассчитывать.

Sardonicus

Взаимное влияние науки и социокультурных факторов, включая идеологию, обсуждалось широко (см. библиографию в [38; 39; 51; 60; 61; 63; 66; 72; 73; 77; 79; 82; 117; 159; 162; 179; 202; 207; 209; 258-268]). Естественно, это влияние не может не проявиться и в судьбе харизматической личности, возглавляющей научное направление. Обратившись к антологии [264] и монографии В.М. Алпатова [269], интересующийся читатель выяснит все детали классического сюжета: как находят друг друга потребность некоторого сообщества в харизматике (возникшая в силу конкретных социокультурных причин) и образ носителя харизмы, сконструированный вовремя, а главное - по правилам мифотворчества.

Речь пойдет об отношении советских языковедов к трудам и экстраординарной фигуре академика Н.Я. Марпа (1864-1934), археолога, историка культуры и лингвиста. Еще до революции он имел бесспорные заслуги перед кавказоведением и лингвистикой, поскольку открыл важные факты, организовал ряд экспедиций и т.д. Но при этом, тяготея к глобальным обобщениям, он нередко выдвигал абсурдные идеи [270, с. 475]. Будучи полиглотом, он опирался на богатую языковедческую интуицию, нередко подводившую его, но порой опережавшую

достижения современной ему науки. «Мне кажется, что Марр был в языкоznании подобием Чюрлениса в живописи», - читаем у Вяч. Вс. Иванова [271, с. 434]. По его мнению, «среди марровских построений наряду с полностью ошибочными есть и такие, которые теперь заново открываются наукой, иногда, правда, с точностью до наоборот» (цит. по [269, с. 25]).

Одно из подобных прозрений относится, по-видимому, к компетенции синергетики. Характеризуя его, укажем, во-первых, на такой масштаб поисков Н.Я. Марром «единой теории языка и культуры, универсальной эволюции всех языков мира», какой позволяет сравнить его замысел с проектом новой полидисциплинарной науки евразийцев 1920-1930-х гг. [272, с. 19]. (К сожалению, в обоих случаях силен привкус радикальной утопии: «речь идет, по сути, об отвержении европейского научного мира, о глубокой враждебности к тому, что, быть может, существует лишь в их воображении - к “западной науке”» [273, с. 171-172].)

Во-вторых, догадки Н.Я. Марра о стадиях «скачков» в развитии языков следуют во времени за обоснованиями возможности возникновения макромутаций и вероятности вызываемого ими сальтационного (от лат. *saltus* - «скакок, прыжок») образования видов. Положения эти начали обосновывать ботаник С.И. Коржинский (в конце 1890-х гг.) и нидерландский биолог Х. Де Фриз (в начале XX в.). Зоолог и биогеограф Л.С. Берг в книгах «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (1922) и «Теория эволюции» (1922) выдвинул на первый план - вразрез с теорией Дарвина - категорию конвергенции, то есть независимого приобретения сходных признаков генетически неродственными организмами [273, с. 202], скачкообразность и целесообразность эволюции [274, с. 182]. Причем эта изначальная целесообразность, определяющая грань между косной и живой материей, близка по смыслу к понятию энтелекии у Аристотеля [275, с. 436-438], то есть полной оформленности, завершенности процесса установления (например, самоорганизации [276]). Кстати говоря, Н.Я. Марр привлек Л.С. Берга (наряду с выдающимися отечественными гуманитариями) к деятельности открытого им в Петрограде академического Института яфтиологических изысканий (1921) [269, с. 29]. «Но эти идеи не были восприняты систематиками растений». Ныне же сальтационное происхождение резко обособленных видов «не вызывает сомнения» [277, с. 35]. Скачкообразный характер эволюции признает и объясняет современная генетика развития [278, с. 57]. «В последние десятилетия все больше разнообразных фактов, свидетельствующих, что быстрая, взрывная эволюция служит не исключением, а скорее правилом, по крайней мере, на первых этапах, когда происходит расщепление древней предковой формы на целый веер производных» [279, с. 37].

В-третьих, сегодня ясна параллель между утверждениями Н.Я. Марра и идеями Пражского лингвистического кружка. Среди его участников в 1920-1930-е гг. были географ П.Н. Савицкий, европейски известные языковеды Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон. Исследователь деятельности кружка отмечает: согласно известной теории Дарвина «“природа не делает скачков”, тогда как для Берга и Якобсона, но также и для Марра существуют “скакки”, “конвульсии”» [273, с. 229].

В-четвертых, сальтационные механизмы эволюции сегодня активно интерпретируют и моделируют, исходя из представлений нелинейной динамики [74-77; 177; 280; 281, с. 140-150], опираясь на модели детерминированного хаоса [282] и самоорганизованной критичности [283]. Учитывая колossalный объем наблюдений, систематизированных лингвистикой (см., например, [13; 284]), вероятно, имело бы смысл поставить проблему обоснования, разработки, верификации моделей (аналогичных [282; 283]) взрывных процессов в эволюции языков. Разумеется - не впадая в грех редукционизма и физикализма.

Воздавая должное ряду крупных достижений Н.Я. Марра, его биограф, тем не менее, подчеркивает, что «по складу характера ему было противопоказано заниматься наукой: подход к материалу с заранее готовыми идеями для ученого абсолютно неприемлем» [270, с. 475]. Именно таким подходом отличается *magnus opus* Н.Я. Марра - выдвинутое в конце 1923 г. «новое учение о языке», или «яфетическая теория». Динамика отношения сообщества гуманитариев к этому труду весьма показательна. Попытаемся описать ее, оперируя схемой «порядок из хаоса» [176, с. 216-265] и выделяя некоторые стадии.

1. Вдали от точки бифуркации. Еще в 1908 г. Н.Я. Марр объявил, что «к известным к тому времени «семитической» и «хамитической» семьям языков надо добавить третью, которую Марр назвал «яфетической» по имени Яфета, третьего сына библейского Ноя».

2. Появление нового репликатора. К 1922 г. ученый утвердился в идеи яфетического прайзыка как основы всех языков мира. Но его идея была несовместима с постулатами сравнительно-исторического языкознания и не нашла поддержки у профессионалов [269, с. 31]. По разным причинам гипотеза Н.Я. Марра (вначале разрабатываемая им лишь на материале кавказских языков) не была подвергнута современниками сколько-нибудь глубокой критике, что, естественно, укрепило честолюбивого автора в своей правоте [269, с. 17]. Это - субъективные обстоятельства.

3. Особенности социокультурного хаоса. Объективные же обстоятельства проявились и в том, что начало 1920-х гг. оказалось для гуманитарных наук в нашей стране точкой бифуркации. С естественным опозданием она последовала за грандиозной бифуркацией, изменившей государственно-политическую эволюцию России. По наблюдениям культурфилософа, революциями и послереволюционной разрухой востребована специфическая личность - «люди игрового, авантюрного типа, легко ориентирующиеся в хаосе жизни и без труда приспосабливающиеся к тому, что из этого хаоса структурируется. Вошедшее в правящее сословие, они сами устанавливают правила всеобщей игры» [252, с. 322].

Едва ли не главным правилом всеобщей игры и приметой нового социокультурного порядка (ядерным культурным образцом, по Н.С. Розову) стала идеологическая парадигма. Она утверждала всемогущество науки, а в ней - почти сакральное значение экономико-материалистической доктрины К. Маркса и вменяла ее как основу генеральной картины мира. Переход от хаоса к послереволюционному порядку в обществе осуществлялся посредством все более массовой и ускоряющейся репликации определенной системы культурных образцов (в ущерб всем другим образцам-конкурентам), включая нормы научных исследований. Тем самым осуществлялась принудительная самоорганизация в рамках тех или иных социальных групп. А что касается радикальных новаций в науке, то прецедент революции убеждал простую душу: оказывается, «и невозможное возможно». Такое умонастроение благоприятно для формирования глобального культа верховного вождя и локальных культов вождей местного значения.

В свою очередь, неравновесность социокультурного состояния усиливалась повышенной театральностью общественной жизни. Особенность эта генетически связана, вероятно, с обилием праздников в православном календаре (их в полтора раза больше, чем у представителей других конфессий, живущих по соседству с русскими [55, с. 300-301]). Упомянем также страсть к светским развлечениям, поразившую А. де Кюстина («Россия в 1839 году»). Карнавальность ярко проявилась в период Серебряного века, когда на первый план выдвинулось актерско-игровое начало. Недаром поздний Вячеслав Иванов сравнивал свою жизнь с кинолентой - «прямой улицой» «мной сыгранного бытия» [285, с. 609]. По

характеристике русского философа Ф.А. Степуна, свойственная нашему народу и русской культуре готовность к театрализации жизни «есть не только природное, но социально-возрастное явление» (дит. по [253, с. 316]). А потому народ воспринял большевистский призыв к революции как желанную возможность участвовать в грандиозном разбойно-балаганном действе. Массы с энтузиазмом разыграли его, предвкушая нагиву, обещанную режиссерами, тоже склонными к лицедейству (в большинстве своем они нравственно сложились в атмосфере Серебряного века) [253, с. 313, 319-322]. «Двенадцать» Александра Блока и «Конармия» Исаака Бабеля передают дух социальной оргии, народные чувства, связанные с воплощением воровского идеала.

Вовсе не случайно, что партийные предводители и комиссары так пристально следили за ситуацией в театрах [33]. Не забудем, что театр ведет свою родословную от древнейшего ритуала и мистерии. В эпоху Перикла (V в. до н.э.) и последующее время древнегреческий театр принял формы и стал выполнять функции, которые - с теми или иными вариациями - самовоспроизводятся и в наши дни. Одна из функций - познание существенных свойств мира и человека, предъявляемых публике на углубленное рассмотрение. Здесь показательна (подчеркнутая М. Хайдеггером) общая этимология двух слов: театр (от др.-греч. θεάτρον - «место для зрелиц», «зрелице» < θεά - «облик, лик, в котором вещь является»; «вид, под которым вещь выступает»; а также «взгляд», «зрелице») и теория (от др.-греч. θεωρία - «наблюдение», «исследование»), которое происходит от глагола θεωρεῖν, образованного сращением корней θεά и οράω - «видеть», в переносном смысле - «замечать», «понимать». Соответственно, θεατης - «зритель», θεωρος - «созерцатель» [286, с. 41, 42].

И привычка быть зрителем, а не лезть на сцену, желая играть роль главного героя [253, с. 323], оказывается одним из базовых регулятивов, фундаментальных культурных образцов, рожденных древнегреческой цивилизацией. Видимо, чем сильнее эта привычка, тем успешней сопротивляется общество шармовым атакам самозванцев. Напротив, публичные акции харизматика, несмотря на часто присутствующий компонент театральности (скажем, в описаниях итальянского фашизма и выступлений Б. Муссолини почти всегда встречается эпитет «опереточный»), ориентированы на создание атмосферы мистерии. В противоположность древнегреческому театру она предполагает полное вовлечение участника в действие, а отнюдь не наблюдение со стороны. То есть мистерия, фактически, исключает роль зрителя, тем более - исследователя. В связи с этим приведем «диагноз духовного недуга нашей эпохи», сделанный культурологом И. Хейзингой (1935): «Самым существенным признаком всякой настоящей игры, будь то культ, представление, состязание, празднество, является то, что она к определенному моменту *кончается*. Зрители идут домой, исполнители снимают маски, представление кончилось. И здесь выявляется зло нашего времени: игра теперь во многих случаях никогда *не кончается*, а потому она не есть настоящая игра» [287, с. 332].

Какова же миссия театра в обстановке бифуркации? По мнению культурфилософа Т.А. Апинян, «театральность переходных периодов предстает как поиск и компенсация утраченной целостности мира. Смоделированные общественные роли служат установлению новой социальной системы, во многом искусственной и планируемой идеологами, тогда как естественные роли еще не определились. Тем важнее формы публичной демонстрации таких ролей. «Пионер», «ударник», «передовой советский человек», «спортсмен» - <...> социокультурные роли, которые нужны новому обществу» [252, с. 322]. Ради симметрии врагам тоже поручают декретированные роли. Для удобства распознавания (когда будет дана команда) им соответствуют «имена-клички:

скажем, «буржуй», «кулак», «вредитель», «попутчик» и т.п.» [253, с. 320]. Очевидно, к первому списку следует добавить амплуа «советский носитель харизмы». И дело встает лишь за подбором кандидатуры, подходящей для конкретной сферы деятельности.

4. Появление ресурса репликации. Лингвистика не стала исключением [264]. К началу 1920-х гг. в ней, как и в других традиционных гуманитарных науках, назрел методологический кризис: «было мало новых идей, а многие проблемы не поддавались решению» [270, с. 476]. А «яфетическая теория» предлагала или обещала неожиданные решения. Важно подчеркнуть - пишет историк этого феномена, - что поклонники Н.Я. Марра были в основном люди, готовые принимать его построения на веру. Это были либо представители смежных наук - востоковеды-нелингвисты, историки, литературоведы, - либо лингвисты, далекие от Н.Я. Марра по проблематике, либо люди, в большинстве очень молодые, смотревшие на него с большой дистанции. Так начал складываться механизм создания притягательного мифа, ядро которого составляла недоказанная гипотеза («яфетическая теория») [269, с. 30].

Кроме того, у Н.Я. Марра стали появляться новые ученики. Они происходили из студентов послереволюционного времени. Как позднее признавался один из них, они шли к нему «движимые жаждой новых идей и неповторимой силой неповторимой личности Марра» (цит. по [269, с. 29]). То есть специфическое (по отсутствию критического начала) окружение импозантного ученого, - словно иллюстрируя теории М. Вебера и К.Г. Юнга, - наделило его харизмой, связав с ним свою профессиональную судьбу. Чем же были примечательны новые питомцы *alma mater*? По нашему мнению, ментальность подавляющей части советского студенчества адекватно представил Ф.А. Степун: «В России сейчас растет пафос практицизма и техницизма, но смысл этого пафоса не простая карьеристическая деловитость; его смысл: хозяйствование на весь мир. Отсюда и растущий в СССР национализм. Учитывая происходящее в России, нельзя забывать, что для мужика, попадающего от сохи в вуз, физиология так же не наука, а вера, как для его прадеда в глухой деревне - автомобиль - не автомобиль, а нечистая сила. Наука - это прежде всего возраст духа. Никакой науки в вузах и комсомолах не процветает и процветать не может; там насаждается не наука, а догматическое науковерие, необходимое для большевистского политического обихода» (1928) [288, с. 85].

5. Первая бифуркация. Достаточно ли было энтузиазма одних, некомпетентности других и ученического послушания (*magister dixit!*) третьих для преимущественной репликации этого культурного образца? Думается, решающим для торжества мифа стал смелый стратегический ход его автора, чтобы добиться монопольного положения в лингвистике. «Марр после неудачных попыток противостоять советским властям пошел на сделку с ними и окружил себя сомнительными личностями и проходимцами», - полагает Вяч. Вс. Иванов [208, с. 672]. Показательно, что из всех академиков с дореволюционным стажем один только Н.Я. Марр вступил в коммунистическую партию (1930) [270, с. 476]. Благодаря такому ходу, академик сделался фаворитом партийной власти. Он получил орден Ленина, в 1931 г. его избрали членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и т.п. [264; 289].

В качестве союзника он вполне отвечал интересам верхов. Увеличение числа симпатизантов марксистской идеологии в академической среде усиливало ее раскол. А новый статус Н.Я. Марра укреплял творимую верхами «государственную легенду» (выражение писателя М.М. Пришвина, 1932 - цит. по [245, с. 27]), предназначенную и для внутреннего употребления наивными патриотами, и для экспорта. Стремительное вознесение Н.Я. Марра фактически

повлекло бифуркацию в развитии отечественного языкоznания. Стоит напомнить, что советская жизнь постоянно требовала от человека либо максимальной социокультурной и даже бытовой когерентности, либо экстраординарного поступка с непредсказуемым исходом. Сущность такого бытия помогает понять афоризм 1930-х гг. О.М. Фрейденберг, выдающегося филолога-античника из марровского окружения: «Каждого человека у нас ежечасно ожидает виселица или орден» (цит. по [290, с. 421]). Добавим к ее формуле сегодняшнюю оценку: «Наука в период О.М. Фрейденберг шла в жесткой сцепке с идеологией, когда обвинения в тех или иных научных ошибках автоматически становились обвинением в антигосударственной измене» [291, с. 582].

6. Дирижирование самоорганизацией и устранение репликаторов-конкурентов. После демарша Н.Я. Марра «“новое учение о языке” приобрело официальный статус и начало повсюду внедряться как “единственно правильное” лингвистическое учение (в Ленинграде, где жил Н.Я. Марр, этот процесс шел быстрее, чем в Москве, где оппозиция ему существовала до 1933 г.). Ученым старой школы не давали работать, ряд отраслей языкоznания (славистика, индоевропеистика и пр.) были запрещены», - констатирует его биограф [270, с. 477]. Н.Я. Марр «сам выдвигал сволочей и ничтожества», - без обиняков разъясняла ситуацию знавшая ее изнутри О.М. Фрейденберг (в письме Л.О. Пастернаку - цит. по [290, с. 423]). Самовоспроизводство последователей Н.Я. Марра заметно ускорилось. И среди них все чаще встречались «так называемые “подмарки”: малокомпетентные люди, усвоившие из “нового учения о языке” главным образом лишь идеологические формулировки. Их деятельность заключалась в восхвалении Н.Я. Марра и борьбе с его противниками, получившими общее название “индоевропеистов”» [270, с. 477]. «Марр и его клевреты по сути отменили сравнительно-исторические исследования, заменив их фантастической идеей происхождения всех слов любого языка из четырех элементов», - резюмирует Вяч. Вс. Иванов [208, с. 672].

Высшая политическая санкция, которую теперь получила научная деятельность Н.Я. Марра, увеличила его харизматический потенциал. Апофеозом марризма (за десятилетие он превратился в *mainstream* гуманитарных исследований) стал выпуск пятитомника избранных трудов ученого (1933-1937), а в 1935 г. - шестисотстраничного сборника статей «Академия наук СССР академику Н.Я. Марру». Его авторы развивали мысли метра либо декорировали, а то и маскировали ими свои идеи. Тем не менее, через несколько лет после кончины Н.Я. Марра жертвами террора, проводимого НКВД, стали не только оппоненты академика (в их числе лингвисты-востоковеды Е.Д. Поливанов [208, с. 775-789] и Л.Г. Башинджагян [292]), но и его одиозные соратники по борьбе с «буржуазной наукой» [270, с. 477]. Кто же занял вакансию, возникшую после ухода харизматика-идола? Человек не менее удачливый, но *in sui generis* его антипод. «И.И. Мещанинов всегда вел себя настолько скромно, корректно и задумчиво, что его образ как-то не связался с невероятной концентрацией административной власти в одних руках. Он был академиком с 1932 г., директором двух академических институтов - Археологии и Языка и мышления; с 1937 г. - деканом филфака ЛГУ; с 1939 г. - академиком-секретарем Отдела языка и литературы (ОЛЯ) АН СССР, впоследствии и главным редактором «Известий ОЛЯ». Почти все должности он сохранял до 1950 г., прибавив к ним звезду Героя Труда и Сталинскую премию. После смерти Марра он получил его наследство и ни с кем не собирался его делить. Право трактовать Марра должно было принадлежать одному» [290, с. 432].

7. Вторая бифуркация. С культом Н.Я. Марра в СССР было покончено в одночасье мановением руки другого харизматика (тоже родом с таинственного

Кавказа) по кличке Сталин. Его цинично-лицемерную статью, осуждавшую «аракчеевщину в науке», то есть насаждение «нового учения о языке», напечатала «Правда» 20 июня 1950 г. [293]. (Описание сложной динамики противоборства как научных, так и партийно-бюрократических группировок в 1946-1953 гг. и анализ литературных источников сочинений Сталина на темы языкознания даны в [264; 269, с. 143-213; 290; 294].) Разумеется, сколько-нибудь вдумчивый анализ доктрины покойного академика был весьма затруднен раболепным отношением большинства участников «свободной дискуссии в «Правде» к сталинской критике Н.Я. Марра.

8. Директивная ликвидация ресурса реаликации. Теперь его идеи поносили столь же горячо и поверхностно, как их превозносили лет 20 назад (пример - лекция [295]).

Рискнем предположить, что к критике отвергнутой гипотезы Марра о четырех комбинируемых элементах, лежащих в основе всех языков, возможно, стоило бы обратиться, привлекая в этот раз представления синергетики. (Отрицательное заключение Вяч. Вс. Иванова, вынесенное марровской идеей [208, с. 672], цитировалось выше.) Такое обращение, вероятно, породило бы дополнительные аргументы против *idee fixe* Н.Я. Марра. Но не исключено, что оно побудило бы провести исследования математическими методами. Возможно, что результат их применения навсегда похоронил бы «учение о четырех элементах». В противном же случае он выявил бы наличие конечного множества элементов (вряд ли состоящего из постулированной академиком четверицы: «Сал», «Бер», «Йон», «Рош»), удовлетворяющих строгим статистическим критериям, то есть служащих «лингвистическими кирпичиками» для тех или иных групп языков. Что склоняет к такой еретической догадке? Во-первых, обобщение закономерностей процессов эволюции с учетом ее единой системно-физической подоплеки [75, с. 16-18]. Во-вторых, логично допустить, что упоминавшиеся ранее модели детерминированного хаоса [282] и самоорганизованной критичности [283], пригодные для описания сальтационных механизмов биологической эволюции, удастся адаптировать для задач сравнительно-исторического языкознания. В-третьих, нашей догадке не противоречит эволюционная интерпретация кажущейся избыточности человеческого генома, мозга и социокультурных структур [206].

Управляемая (партийными органами) самоорганизация положительного отношения в сообществе естественников к «революциям» в биологии, провозглашенным Т.Д. Лысенко, О.Б. Лепешинской *etc.* в конце 1940 - начале 1950-х гг., осуществлялась по тому же шаблону. Но эти фигуры - в отличие от Н.Я. Марра - никогда не были сколько-нибудь значительными исследователями, а их «ретроновации» воспроизводили старинные идеи, уже отброшенные наукой [63; 261; 267]. Восстановливая обстоятельства, определявшие динамику численности энтузиастов, видевших в Н.Я. Марре обладателя харизмы, нельзя не задуматься об аналогичных сюжетах в гуманитарных науках сегодня. Первой на ум приходит «новая хронология» академика А.Т. Фоменко и его соавторов. Этот показательный эпизод из истории постнеклассической науки (в ряде пунктов несопоставимой с «советской наукой») породил довольно обширную литературу *pro et contra* (см., например, [296]). Правомерно ли квалифицировать академика А.Т. Фоменко как харизматического лидера когорты историков-радикалов? Наверное, судить об этом рано: жизнь его идей продолжается. А вот рассмотреть с позиций социосинергетики, почему и как изменялось с начала 1980-х гг. восприятие читающей публикой его доктрины, возможно, было бы полезно для самосознания научного сообщества.

Заключение. О духе народа

Нужен новый ментальный потенциал. Нужны и харизматические личности, готовые его воплотить.

M. Heidegger

Я сознавал, что получаю нежданчный дар, и не мог понять, почему выпала мне эта милость.

Cz. Milosz

Итак, мы проследили, как менялось значение слова «харизма», начиная с античности, коснувшись его этнокультурной окрашенности и связи с понятием «гений». Рассматривая харизму как знаковую структуру, мы использовали социосинергетический подход, дополнив его понятием репликации культурных образцов и архетипов. Обращение к категориям социологии и нелинейной динамики позволило описать взаимодействие харизматика с социальными субъектами на разных этапах (см. рисунок). Из истории науки выбран эпизод с академиком Н.Я. Марром. В его идеях мы стремились выявить аспекты, интересные для синергетики. Осталось взглянуть на восприятие харизматика сообществом как на диагноз его состояния и прогноз развития.

Сегодня (в период постинтеллектуализма - термин американского культуролога Дональда Вуда) понятие харизмы употребляется широко и часто всуе. В последнем случае оказывается, что это - симулякр (фр., англ. *simulacre* от лат. *simulacrum* - «образ», «подобие»), то есть явление, не соотносимое с реальностью, но воспринимаемое гораздо убедительнее, чем сама реальность [297, с. 257]. Терпимость, присущая постмодерну, и массовость социокультурных явлений позволяют сформировать харизматический оттенок практически по любому, как угодно малоценному в культурном отношении поводу. Вот и мастер афоризма А.Г. Круглов дает определение: «Харизма - способность зажигать неизвестно чем неизвестно кого. Вдохновлять тех, кого ни ум, ни добро не вдохновляют: будить стадное» [298, с. 117].

Очевидно, искусству «будить стадное» люди покоряются тем быстрей и послушней, чем больше в них самих стадного начала. Ему подыскали много возвышающих синонимов: чувство коллективизма, феномен соборности, голос крови и почвы, магия толпы, коллективное бессознательное. Видимо, способность (не) устоять перед искусством будить стадное оказывается одной из ведущих характеристик и определенных сословий различных народов, и так называемого национального характера каждого из них. Разумеется, преклонение перед носителем редкого дара - одна из древнейших культурных традиций. Но отечественная история, начиная с террористов-цареубийц, показала, насколько опасен харизматик, учение которого составляет «ощетинившийся кровавый гуманизм» (категория введена М.М. Бахтиным - цит. по [245, с. 29]). Дискуссионные соображения о русском народе в этом аспекте можно найти в [23-26; 29; 34; 38; 40-44; 55; 253; 288]. Со- и противопоставление духовно-исторических истоков русского коммунизма и германского национал-социализма как стадных движений проведено, например, в [44; 48; 69; 179; 253; 266; 299]. Силу этой стихии лаконично выразил Игорь Холин (1920-1999), поэт лианозовской школы [300, с. 113]:

Человечество	Гения	Своим потом
Никем не руководимо	Идея гения	Молодые всходы
Как нива	Позволяет	Расцветают
Солнцем	Половину людей	Народы
Палима	Превратить	Вывод
Но вот появляется	В удобрение	Вожди
Привидение	Другая половина	Нужны
В образе	Орошают	Как дожди

Предпринятый выше разбор обстоятельств, в которых самовоспроизводится позитивное отношение к харизматику, побуждает спросить: как может отдельный человек противостоять стадному началу, сохраняя свою неповторимость, и пр.? Подобным вопросом задавались еще древнегреческие мыслители. Начиная с Сократа, они развивали идею эпимелии (от др.-греч. επιμέλεια σεσαιτο - «забота, попечение о себе самом»). В Древнем Риме эта морально-этическая программа называлась *cura sui* («забота о себе»). Императив «проявляя заботу о самом себе» был включен в Александрийскую духовную традицию (в виде концепции επιμέλεια у Филона и Плотина), а богослов Григорий Нисский использовал его, разрабатывая христианское учение об аскезе. В начале 1980-х гг. французский философ Мишель Фуко доказывал, что самопознание есть частный случай эпимелии, а принцип заботы о себе «является основой рационального поведения в любой форме активной жизни, стремящейся отвечать принципу духовной рациональности». Духовность он понимал как «тот поиск, ту практическую деятельность, тот опыт, посредством которых субъект осуществляет в самом себе преобразования, необходимые для постижения истины» [301, с. 284-286].

Этой проблему затрагивает и американский философ Р. Рорти, развивая тезис о человеке как существе творческом и не нуждающемся в абсолютах [236, с. 680]. Раздумывая о призвании западного интеллектуала, он обращается к тому, что М. Хайдеггер называл «жаждой подлинности». Этот термин означает стремление человека быть самим собой, а не просто продуктом образования или своего окружения, иначе говоря, стремление не оказаться лишь ресурсом репликации когда-то сформированных культурных образцов. «Достичь подлинности (в этом смысле), - пишет Р. Рорти, - значит увидеть альтернативы тем целям и смыслам жизни, которые большинство людей принимают без критики, как единственно данные, и сделать свой выбор из увиденных альтернатив - тем самым, до некоторой степени, самостоятельно создав самого себя» [302, с. 31].

Далее он приводит суждение упоминавшегося ранее Г. Блума: смысл чтения многих разных книг заключается в том, чтобы узнать о существовании многих разных целей и смыслов жизни. Такое знание позволяет человеку стать автономной личностью - *an autonomous self*. (Здесь приходит на память принцип Каббалы «Сотворил Творец для выполнения» [107, с. 176], но Р. Рорти трудно заподозрить в симпатиях к иудаистскому мистицизму: он, скорей уж, опирается на антропологические установки Ренессанса.) Согласно Р. Рорти, для интеллектуалов Запада как раз и характерно чтение книг, чтобы узнать, к каким целям имеет смысл стремиться, как следует обходиться со своей жизнью, и т.п. [302, с. 31, 34]. Трудно представить себе, что в свете харизматического дуче отыщется автономная личность, полагающаяся только на себя и терпимая к ценностям других, то есть антипод массового человека. Заметим также, что диагностированные выше разрывы русского культурного пространства (как следствие советской поры и иных причин) возможно - в принципе - сократить, культивируя чтение как терапию, предлагаемую Г. Блумом и Р. Рорти. Если допустить, что русский литературоцентризм [13, 16, 21, 29, 38, 41, 42, 47, 52, 53, 57, 71, 104, 146, 162, 167, 179, 198], проявляющийся также в почтении к писателю и его занятию, в

многочисленности литераторов-профессионалов и дилетантов *etc.*, сохраняет свою силу сегодня, то стоило бы оценить утраты и ресурсы отечественной книжной культуры [303-306], видя в ней оздоровляющее средство.

Только ли для западных интеллектуалов пригоден критерий Р. Рорти? Нет, и в родной традиции присутствует пафос ценности духовно самостоятельной, ответственной личности. Ранее уже цитировалась пушкинская мысль о возможном пути к человеческому величию. Приведем также энергичное суждение В.В. Розанова. В начале 1910-х гг. он доказывал: «Индивидуум начался там, где вдруг сказано закону природы: «стоп! не пускаю сюда!» Тот, кто его не пустил, - и был первым «духом», не-«природою», не-«механикою». Итак, лицо в мире появилось там, где впервые произошло «нарушение закона». Нарушение его как единства и постоянства, как нормы и «обыкновенного», как «естественного» и «всеобще-ожидаемого». Тогда нам понятны будут «противоборства» в «котле», как такой процесс, в котором «от века» залагалось такое важное, универсально-значительное для космоса, универсально-нужное миру начало, как лицо, личность, индивидуализм, как «я» в мире» [307, с. 30]. И заключал: «Без лица мир не имел бы сияния - шли бы «облака» людей, народов, генераций... И, словом, без «лица» нет духа и гения» [307, с. 31].

Гений, тем более тот, в ком признают носителя духа сообщества, обычно оказывается именно харизматиком, хотя обратное утверждение неверно. Можно думать, что самоопределяющийся индивид, на которого надеялся В.В. Розанов и рассчитывает Р. Рорти, чтит гения постольку, поскольку его присутствие в культуре возбуждает и поддерживает в людях хайдеггеровскую «жажду подлинности». Но все не обязательно, что все сообщество так же воспринимает гения. С позиций же социосинергетики, отличительной чертой сообщества служит динамика отношения к гению: богатство спектра его оценок сообществом, темп самовоспроизведения этого отношения как культурного образца, степень его изменчивости, (не)устойчивость ресурса репликации отношения к гению в ходе культуронаследования, особенно в периоды его кризиса, и т.п. Подтверждение этому тезису мы находим у философа Г.Г. Шпета, выделявшегося нелинейным стилем мышления [219].

В 1920 г. Г.Г. Шпет (ставший позднее основателем этнокультурной психологии), размышляя о Пушкине, поставил вопрос: «Где в нем русский дух?» [308]. Сразу отметим, что ответ философа противоположен по смыслу юнговскому определению харизматика («мегафон, передающий коллективные мнения» [7, с. 121]). Г.Г. Шпет высказался о Пушкине нетрадиционно: «Его творчество есть именно *его* творчество, - гения, не выросшего из русского духа, а лишь воспринимавшего в себя этот дух, и что он сказал бы, если бы воспринял его до конца?» [308].

С помощью чего следует характеризовать такой интегральный, но трудноопределимый параметр общества, как дух народа, и его эволюцию? Г.Г. Шпет предложил критерий, который фактически исходит из отношения к харизматику: «А вот где подлинный русский дух: как Пушкина у нас воспринимали?». Развивая свое суждение и обратившись к истории отечественной мысли, он подчеркнул: «Пушкин - такая же случайность, как и Петр. И дух наш определяется не Петром и Пушкиным, а *отношением к ним*» [308]. Очевидно, двойной вывод этот вполне корректен с точки зрения схем «порядок из хаоса» и «Клио на распутье». Он также свидетельствует о том, что репликацию отношения к харизматику правомерно представлять как фактор социокультурной динамики.

Существенной чертой нынешней ситуации по-прежнему видится антропологический вакум (то есть острая нехватка автономных личностей с высоким творческим потенциалом, чьи ценности не подверглись варваризации),

обусловленный послереволюционным периодом истории. Особенно показательно положение в отечественной литературе. Скажем, нашу прозу конца ХХ в. филолог оценивает как «сложную, разветвленную систему стилевых течений, тенденций, феноменов, которые развиваются и угасают, трансформируются и саморазрушаются» [309, с. 303]. Безусловно, так, и динамизм этот воодушевляет. Но ведь цитированный вывод приложим, допустим, и к ленинградскому литературному андеграунду [67], и к авторам, творившим под гнетом советской цензуры, - даже с учетом продукции бездарей и лизоблюдов [21]. По нашему мнению, важнее другой аспект: какова эволюция вершинных достижений прозы в ХХ в., сохранились ли в ней властители дум? А о направлении эволюции свидетельствует любая деталь литературного быта - хотя бы история петербургского кабаре «Бродячая собака» [310]. Частность эта позволяет сравнить состав его посетителей в начале 1910-х и 2000-х гг. И сравнение - не в пользу последних лет, бедных фигурами, явно отмеченными дарами благодати.

Однако и социальная *natura abhorret vacuum*. Поэтому культурное пространство плотно заполняется репликаторами, подходящими для невзыскательного и простодушного человека массы. За столетие, протекшее после «Восстания масс» Х. Ортеги-и-Гассета, человек этот, кажется, стал пообразованней и помоложе. Сегодня он не только ходит на выборы, но даже исполняет культурный канон (сделавшийся массовым): посещает концерты, театр, шоу. С расчетом на его запросы и вкус, а в случае нашего отечества - еще и с расчетом на фольклорную структуру сознания трудятся творцы искусства, организаторы спортивных игр, устроители религиозных праздников, рекламисты, политтехнологи и пр. (Нет места обсуждать особенности восприятия харизматика в ситуации игры, стихии досуга и т.д. См. дополнение «Игра и сакральное» к книге Р. Кайу [311, с. 266-275].) Человек массы задает масштаб многим явлениям современности, в том числе - своим харизматикам. Насколько же он велик?

Здесь наблюдение Бориса Парамонова вспоминается. Словно находясь в полемике с Розановым, Шпетом, Тютчевым, он заявляет: «Вот кратчайшая формула современности: это мир, в котором невозможен Пушкин». И повторяет, настаивая: «Пушкин невозможен сегодня даже как случайность. Сегодня эпоха хлеба, а не зрелиц, а если и зрелиц, то не высоких. Всеблагих нынче нет. Тенора есть, но кто сравним Паваротти с Пушкиным?» [312, с. 6, 8].

Автор благодарен Светлане Валерьевне Земцовой за консультации по вопросам социологии власти и за участие - совместно с Владимиром Вячеславовичем Негрулем - в разработке схемы на рисунке. Автор особо признателен рецензенту (помет *nescio*) за его текст, насыщенный идеями и (не)высказанными рекомендациями, часть которых, кажется, удалось учесть - с пользой для статьи.

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобразования РФ. грант № Г02-1.4-377.

Библиографический список

233. Лотман Ю.М. Клио на распутье // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 464-471
234. Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных гражданин...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2001. 167 с.
235. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. / Под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 114-163.

236. Постмодернизм: Энциклопедия. Минск: Интерпресссервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.
237. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
238. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В. Теоретические положения. Принципы описания // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков и др. М.: Гнозис, 2004. С. 7-56.
239. Троицкий В.П. «Как наречешь, так и обречешь» (Ономатодоксия в творческой биографии Вячеслава Иванова) // Вячеслав Иванов - творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 81-87.
240. Осповат А. Именование героя «Капитанской дочки» // Лотмановский сборник. 3 / Под ред. Л.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т.Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2003. С. 261-269.
241. Киселева Л. К формированию концепта национального героя в русской культуре первой трети XIX в. // Лотмановский сборник. 3 / Под ред. Л.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т.Н. Фрайман. М.: ОГИ, 2003. С. 63-92.
242. Анна Ахматова в записях Дувакина / Сост. О.С. Фигурнова. М.: Наталис, 1999. 368 с.
243. А.В. Азарх-Грановская: беседы с В.Д. Дувакиным / Предисл., комм.: В. Хазан, Г. Казовский. М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2001. 200 с.
244. М.М. Бахтин: беседы с В.Д. Дувакиным / Предисл., послесл., комм.: С.Г. Бочаров, В. Радзинский, В.Ф. Тейдер, В.В. Кожинов, Ф.Д. Ашинин, А.М. Кузнецов, Л.С. Мелихова, Н.И. Николаев, А.С. Шатских. М.: Согласие, 2002. 400 с.
245. Махлин В.Л. Тоже разговор // Вопросы литературы. 2004. Май - Июнь. С. 3-45.
246. Садовников Д.Н. Избранные произведения / Сост. В.Н. Болдырев. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1989. 224 с.
247. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 752 с.
248. Забудская Я.Л. Дионисийство и трагедия: Эсхил в переводах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов - творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / Сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2002. С. 141-147.
249. Тиме Г.А. Лики дионисийства (Вяч. Иванов и Г. Гауптман) // Вячеслав Иванов - Петербург - мировая культура: Матер. междунар. науч. конф. (9-11 сентября 2002 г.). Томск-М.: Водолей Publishers, 2003. С. 95-104.
250. Иванов Вяч. Спорады // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 111-135.
251. Бонецкая Н.К. Русские странники // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 111-117.
252. Апинян Т.А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 400 с.
253. Кантор В.К. Расцвет и падение эпохи артистизма // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох - типы пограничного сознания. В 2-х частях. Ч. 2. С. 300-327.
254. Лексикон нонкласики. Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В.В. Бычкова. М.: РОССПЭН, 2003. 607 с.
255. Батай Ж. Проклятая доля. М.: Гнозис; Логос, 2003. 208 с.
256. Молодяков В.Э. Валерий Брюсов: политический портрет // Валерий Брюсов. Мировое состязание: Политические комментарии. 1902-1924 / Сост. В.Э. Молодяков. М.: АИРО-XX, 2003. 224 с.
257. Пушкин А.С. Второй том «Истории русского народа» Полевого //

- Пушкин А.С. Полное собр. соч. в 10-ти томах. Т. 7: Критика и публицистика. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 143-147.
258. *Пэко П.Ф.* Элементы философии наук / Пер. с франц. под ред. Б. Яковенко. М.: АО «Универсальная библиотека», 1915. 224 с.
259. *Мартишина Н.И.* Когнитивные основания парапауки. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1996. 187 с.
260. *Дубнищева Т.Я.* Ретрофизика в зеркале философской рефлексии: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 1997. 334 с.
261. *Сойфер В.Н.* Красная биология: Псевдонаука в СССР. М.: Моск. психолого-соц. ин-т, 1998. 264 с.
262. *Низовцев В.В.* Время и место физики XX века. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 308 с.
263. *Сокулер З.А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб.: РХГИ, 2001. 240 с.
264. Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / Сост. и ком. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. 576 с.
265. За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 526 с.
266. *Кара-Мурза С.Г.* Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.
267. *Берг Р.Л.* Суховей: Воспоминания генетика. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с.
268. *Измайлова И.В., Пойзнер Б.Н., Раводин В.О.* Синергия, конкуренция, хаос в модели взаимодействия двух научных направлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 100 с.
269. *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
270. *Алпатов В.М.* Послесловие ко второму изданию // Марр Н.Я. Яфетидология. - Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 475-478.
271. *Иванов Вяч. Вс.* Нечет и чет // Иванов Вяч. Вс. Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 381-604.
272. *Автономова Н.А.* Актуальное прошлое: структурализм и евразийство // Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 9-30.
273. *Серио П.* Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920-30-е гг. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.
274. *Корочкин Л.И.* К проблемам биофилософии: некоторые общие принципы организации и функционирования биологического материала // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция) / Под ред. О.Е. Баксанского. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С 177-189.
275. *Берг Р.Л.* Лев Семенович Берг // Берг Р.Л. Суховей: Воспоминания генетика. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 431-440.
276. *Пойзнер Б.Н.* От Пригожина к Аристотелю: самоорганизация и энтелихия // Журнал проблем эволюции открытых систем (Алматы, РК). 2003. Т. 1. Вып. 5. С. 233-240.
277. *Положий А.В.* История формирования понятия о виде высших растений / / Эволюционная биология / Под ред. В.Н. Стегния. Томск: ТГУ. Т. 1. 2001. С. 29-36.
278. *Корочкин Л.И.* Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития // Эволюционная биология / Под ред. В.Н. Стегния. Томск: ТГУ. Т. 1. 2001. С. 49-72.
279. Инвазия мобильных элементов - причина взрывного сальтационного видеообразования / М.Б. Евгеньев, Е.С. Зеленцова, Е.С. Полуэктова, К.И. Пятков и

др. // Эволюционная биология / Под ред. В.Н. Стегния. Томск: ТГУ. Т. 1. 2001. С. 37-48.

280. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М.: Наука, 1998. 192 с.

281. Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М.: Наука, 2001. 244 с.

282. Евдокимов Е.В., Шаповалов А.В. Детерминированный хаос в динамике популяций как эволюционный фактор // Эволюционная биология / Под ред. В.Н Стегния. Томск: ТГУ. Т. 1. 2001. С. 245-263.

283. Подлазов А.В. Самоорганизованная критичность и анализ риска // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2001. Т. 9, № 1. С. 49-88.

284. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003. 720 с.

285. Иванов Вяч. Римский дневник 1944 года // Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1979. С. 583-644.

286. Павленко А.Н. Театр как «оптический прибор» представления // Человек. 2004. № 1. С. 34-42.

287. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: ИГ «Прогресс», «Прогресс - Академия», 1992. С. 241-402.

288. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Чаемая Россия / Сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 5-91.

289. Горбаневский М. Конспект по корифею // Литературная газета. 1988. 25 мая. С. 12.

290. Брагинская Н.В. «...Имеют свою судьбу» // Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / Подготовка текста Н.В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. С. 421-433.

291. Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М. Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 768 с.

292. Башиндагян Л. Воспоминание о будущем: Кавказский дневник поручика Л.Б. // Независимая газета. 1994. 8 сентября. С. 5.

293. [Сталин И.В] Относительно марксизма в языкоznании // Марр Н.Я. Яфетидология. - Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. С. 451-465.

294. Витенберг Б.М. По направлению к Сталину // Новое лит. обозрение. 2003. № 3 (61). С. 344-355.

295. Серебренников Б.А. Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н.Я. Марра // Вопросы языкоznания в свете трудов И.В. Сталина: Лекции, прочитанные для преподавателей высших учебных заведений в августе 1950 г. в московском университете. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1950. С. 171-186.

296. История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко: Анализ ответа А.Т. Фоменко. М.: Языки славянской культуры, 2001. 576 с.

297. Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН; Intrada, 2001. 384 с.

298. Круглов А.Г. Первые приближения: Словарь афоризмов-определений / Послесл. В. Кротова. М.: Гнозис, 1997. 128 с.

299. Дымерская Л. Томас Манн и Николай Бердяев о духовно-исторических истоках большевизма и национал-социализма // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 62-77.

300. Холин И. Стихи и поэмы. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 320 с.

301. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки // Социо-Логос. Выш. 1 / Сост., общ. ред и предисл.: В.В. Винокуров, А.Ф. Филиппов. М.: Прогресс, 1991. С. 284-312.

302. Рорт Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30-41.

303. Кубаев М.Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения. М.: Наука, 2004. 188 с.
304. Петрицкий В.А. Социальное значение библиофильства // Книга и социальный прогресс: Сб. ст. М.: Книга, 1986. С. 71-78.
305. Рац М.В. О собирательстве. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 350 с.
306. Пойзнер Б.Н. Надежда на исправление мира, книга и библиофильство // Актуальные вопросы теории и истории библиофильства. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2001. С. 20-24.
307. Розанов В.В. Люди лунного света: Метафизика христианства. СПб. [б. и.], 1913. 297 с.
308. Из переписки Густава Шпета / Публ. М. Шторх // Русская мысль (Париж). 13-19 мая 1999 (№ 4269). С. 19.
309. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
310. Шульц мл. С.С., Скллярский В.А. Бродячая собака. СПб.: Белое и Черное, 2003. 206 с.
311. Кайя Р. Человек и сакральное // Кайя Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2003. С. 141-291.
312. Парамонов Б. Пушкин сегодня (к проблеме мультикультурализма) // Urbi: Лит. альманах. Материалы XXIV вып. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. С. 6-12.

Томский государственный
университет

Поступила в редакцию 03.09.2003
после переработки 14.05.2004

CHARISMA: REPLICATION OF RECEPTION

B.N. Poizner

Why the phenomenon of charisma deserves attention of social synergetics? How the sense of «charisma» concept has varied from antiquity up to now? What is a peculiarity of the charisma reception in Russian culture? How the midst of charismatic looks through the prism of nonlinear dynamics? The author aspires to answer similar questions proceeding from following thesis: propagation of the judgement about some person as a charismatic is typical case of a cultural pattern replication. The author bases on works on synergetics, theory of culture, sociology, linguistics, history of science, philosophical anthropology, examples of publicist style.

In preceding parts of the paper characteristics of charisma as a psychological phenomenon starting in primeval society is done. Etymology of «charisma», meaning constants and variables of the word are shown. Contexts in which concept of charisma is used in Christianity, Judaism, East philosophy are touched. Some semantic peculiarities of the concept in Russian, French, English languages are noted. Interpretations of charisma in Shamanism, Christianity, modern cultural practice (the last is distinguished by vulgarization of the word) are compared. Concepts of charismatic and genius are compared. Replication of human activity structures is interpreted as a dynamical aspect of culture and a mechanism of culture self-renewal.

Part 3

In third part non-linear interaction stages of the masses, charismatic and his promoters are described. The scheme known as «order out of chaos» and the concept of the replication are used. The suggested synergetic approach is applied to interpretation of

soviet scholars' perception of academician N. Mart and his «new doctrine on language». An attitude to a charismatic is discussed as one of manifestation of the people spirit.

Пойзнер Борис Николаевич - родился в Томске (1941), окончил радиофизический факультет Томского государственного университета. Защитил кандидатскую диссертацию по теории колебаний и волн (1970), доцент кафедры квантовой электроники и фотоники ТГУ. Читает лекции по нелинейной оптике, физике, физике лазеров, принципам управления лазерным излучением, основам синергетики. Область научных интересов: квантовая электроника, применение нелинейной динамики в оптике и материаловедении, прикладная наукометрия, культурологическая теория образования. Имеет много статей по указанной тематике. Инициатор подготовки и редактор семи библиографических указателей (в том числе «Синергетика и сопредельные науки», «Университетское образование и его социальная роль», «Интеллигенция в российском обществе и университете», «Психика и интеллект обучаемого»). Действительный член Всероссийского общества библиофилов. E-mail: Pznr@elefot.tsu.ru